

УДК 343.268

DOI: 10.17223/22253513/26/7

В.В. Лощинкин

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ НЕВМЕНЯЕМЫХ ЛИЦ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИМЕНЕНИИ К НИМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Анализируется обоснованность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса РФ, в состоянии невменяемости, по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Кроме того, подвергается критике отнесение законодателем применяемых к невменяемым лицам принудительных мер медицинского характера к иным мерам уголовно-правового характера, устанавливаемым за совершение преступлений.

Ключевые слова: лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, освобождение от уголовной ответственности, Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г., Уголовный кодекс РФ 1996 г., принудительные меры медицинского характера.

Общественно опасное деяние, совершенное лицом в состоянии невменяемости, характеризуется отсутствием вины этого лица в его совершении, что вытекает из легального толкования ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса РФ.

Психически больное лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не является субъектом преступления и поэтому не подлежит уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ).

Если невменяемое лицо после совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния будет представлять опасность ввиду его психического состояния, то к нему могут быть применены принудительные меры медицинского характера, установленные ст. 99 Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 21 УК РФ).

Однако ч. 1 ст. 443 УПК РФ содержит требование об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, и о применении к нему принудительных мер медицинского характера. Считаем, что эта норма Уголовно-процессуального кодекса РФ не соответствует требованиям уголовного законодательства и поэтому не должна применяться.

Определение оснований и условий освобождения от уголовной ответственности находится в сфере уголовно-правового регулирования, следовательно, с положениями Уголовного кодекса РФ должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса РФ. Ведь в соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ освободить от уголовной ответственности возможно лишь в случае предварительного признания лица виновным в совершении конкретного преступления.

Иными словами, для освобождения от уголовной ответственности необходимо, чтобы обязательно возникло ее основание, которое в соответствии со

ст. 8 Уголовного кодекса РФ регламентировано как «*деяние, содержащее все признаки состава преступления*». В ином случае не может возникнуть и основания освобождения от уголовной ответственности [1. С. 168].

Следовательно, освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, противоречит ч. 1 ст. 5, ст. 8 Уголовного кодекса РФ, а также ст. 19 и ч. 1 ст. 21 УК РФ, в соответствии с которыми данные лица не являются субъектами преступлений и не подлежат уголовной ответственности. Для невменяемых, упомянутых нормами Уголовного кодекса РФ, не предусмотрено как основания уголовной ответственности при совершении ими общественно опасных деяний, так и основания их освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, на возможность освобождения от уголовной ответственности только лиц, совершивших преступления (субъектов преступления), обращает внимание и Верховный Суд РФ: «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [2].

Несогласованность ч. 1 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ с правовыми нормами, содержащимися в ст. 5, 8, 19 и 21 Уголовного кодекса РФ, порождает неопределенность, которая не позволяет единообразно понимать и толковать правовые нормы, и создает противоречивую правореализационную практику.

Так, А.Н. Батанов, обнаружив юридическую коллизию между уголовным законодательством и упомянутой нормой уголовно-процессуального закона, считает неверной формулировку ч. 1 ст. 443 УПК РФ об освобождении невменяемых лиц от уголовной ответственности. Ученый предлагает внести в уголовно-процессуальное законодательство изменение, в соответствии с которым невменяемые лица будут освобождаться от уголовного наказания, а не от уголовной ответственности [3. С. 88–89].

Однако с предложенным А.Н. Батановым совершенствованием ч. 1 ст. 443 УПК РФ нельзя согласиться, поскольку это породит еще большую юридическую несогласованность упомянутой уголовно-процессуальной нормы с нормами уголовного права.

В этом случае несогласованность и противоречивость указанной уголовно-процессуальной нормы с уголовно-правовыми нормами будет выражаться в том, что в соответствии с обязательным требованием ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса РФ невозможно признать невменяемых лиц виновными в совершении преступлений приговором суда и назначить им вид уголовного наказания для того, чтобы освободить данных лиц от наказания.

Что же касается правореализационной практики по вопросу применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, то проведенное нами исследование показало, что юридическая коллизия ч. 1 ст. 443 УПК РФ с нормами уголовного законодательства сказывается и в практической деятельности.

Так, Верховный Суд РФ и суды нижестоящих инстанций в принимаемых ими решениях при применении принудительных мер медицинского характера

к невменяемым лицам следуют именно диспозиции ч. 1 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой эти лица освобождаются судами от уголовной ответственности.

Однако указанная практика представляется неверной, поскольку при вынесении решений они опираются на правовую норму уголовно-процессуального законодательства, имеющую меньшую юридическую силу, чем нормы УК РФ. О приоритете норм уголовного законодательства перед уголовно-процессуальными нормами дал соответствующее разъяснение и Конституционный Суд РФ, рассматривая соотношение указанных норм права при применении принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости [4].

Вывод о большей юридической значимости норм уголовного права перед правовыми нормами уголовно-процессуального закона следует и из толкования норм самого УК РФ. В силу ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса РФ *«преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законодательством»*.

Следовательно, уголовно-правовое последствие преступного деяния в виде освобождения лица от уголовной ответственности, т.е. неприменение негативных правовых последствий, предусмотренных уголовным законом к лицу, виновному в совершении общественно опасного деяния, может быть установлено только Уголовным кодексом РФ.

Поэтому нормы УПК не могут противоречить фундаментальным принципам уголовного права, в том числе вводить какие-либо иные материальные институты в области освобождения от уголовной ответственности, которые не предусмотрены Уголовным кодексом.

Не допускает уголовный закон и освобождение от уголовной ответственности невменяемых лиц по аналогии, так как в силу ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса РФ *«применение уголовного закона по аналогии не допускается»*.

Таким образом, упомянутая коллизия должна разрешаться в пользу Уголовного кодекса РФ, единственного федерального закона, устанавливающего основание возникновения уголовной ответственности и основание освобождения от нее.

Для устранения юридической коллизии между правовыми нормами УПК РФ и нормами УК РФ необходимо исключить из ч. 1 ст. 443 УПК РФ указание об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, поскольку уголовное законодательство этого не предусматривает.

К упомянутым уголовно-правовым и уголовно-процессуальным отношениям, существующим между лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, с одной стороны, и государством – с другой, должна применяться правовая норма, предусмотренная п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ: если предусмотренное УК РФ общественно опасное деяние совершено лицом в состоянии невменяемости, то это является основанием для прекращения уголовного дела судом в связи с отсутствием в деянии данного лица состава преступления, что полностью будет соответствовать требованию ч. 1 ст. 5, 8 и 21 УК РФ.

Что же касается применения принудительных мер медицинского характе-

ра к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, то в соответствии с нормативными положениями разд. IV Уголовного кодекса РФ эти меры относятся к «иным мерам уголовно-правового характера», которые в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ устанавливаются за совершение преступлений.

Однако принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым лицам, не могут рассматриваться как «иные меры уголовно-правового характера, устанавливаемые за совершение преступлений», поскольку это противоречит основополагающим началам уголовного права, а именно ст. 5 и ч. 1 ст. 14 УК РФ в их взаимосвязи со ст. 21 УК РФ и ст. 24–26 Уголовного кодекса РФ.

На невозможность применения к невменяемым лицам принудительных мер медицинского характера, как предусмотренных уголовным законом «иных мер уголовно-правового характера», устанавливаемых только за совершение преступлений, обращают внимание и такие ученые, как А.И. Бойко, Ю.В. Голик, С.А. Елисеев и др., ведь общественно опасное деяние, совершенное лицом в состоянии невменяемости, не образует преступления ввиду отсутствия его состава.

В частности, указанные ученые отмечают: «Психически больной человек не может быть признан преступником и отвечать за свои действия.... Принудительные меры медицинского характера по неразумности законодателя признаны иными мерами уголовно-правового характера, которые могут назначаться только за совершенные преступления» [5. С. 9].

В то же время упомянутые ученые высказывают позицию, что к невменяемым лицам принудительные меры медицинского характера применяются за совершение общественно опасных деяний, так как, по их мнению, «принудительные меры медицинского характера сегодня могут назначаться и за общественно опасный деликт, не являющийся преступлением, поскольку его совершил невменяемый человек» [Там же].

Следовательно, они полагают, что сущность применения принудительных медицинских мер применительно к невменяемым лицам вытекает из факта совершения общественно опасного деяния, поскольку эти лица не являются субъектами преступления и не могут подлежать уголовной ответственности.

Указанный вывод разделяет Н.Ю. Скрипченко, считая, что отнесение законодателем принудительных мер медицинского характера, применяемых к невменяемым лицам, к иным мерам уголовно-правового характера, устанавливаемым за совершение преступлений, является нормативной коллизией. Для ее устранения он предлагает иначе изложить содержание ч. 2 ст. 2 УК РФ: «иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений и общественно опасных деяний в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [6. С. 12–13].

Однако едва ли можно согласиться с позицией А.И. Бойко, Ю.В. Голика, С.А. Елисеева и других ученых, а также с доводом Н.Ю. Скрипченко, полагающих, что принудительные меры медицинского характера должны применяться к невменяемым лицам за совершение общественно опасных деяний.

Кроме того, нельзя признать удачной и предложенную Н.Ю. Скрипченко

редакцию ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса РФ, поскольку это не только не решит проблемы практического применения принудительных мер медицинского характера к психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, в редакции уголовного законодательства, предложенной упомянутым ученым, но и исказит общие начала теории уголовного права.

Как указывалось ранее, принудительные меры медицинского характера не могут вытекать из совершения преступления невменяемым лицом. Не могут они вытекать и из совершения данным лицом общественно опасного деяния, поскольку принудительные меры медицинского характера будут применяться к лицу, совершившему деяние, только тогда, когда данное лицо будет представлять опасность по своему психическому состоянию. Если же лицо, совершившее деяние, не будет представлять опасности ввиду его психического состояния, то принудительные медицинские меры к нему применяться не будут, поскольку лечить это лицо при отсутствии на то показаний будет бессмысленно и нецелесообразно.

Поэтому совершенное психически больным лицом общественно опасное деяние само по себе не имеет основополагающего значения при применении к этому лицу принудительных мер медицинского характера в соответствии с требованиями уголовного законодательства.

На указанное обстоятельство обратил внимание и Конституционный Суд РФ, который отметил, что основным критерием применения принудительных мер медицинского характера является психическое заболевание (состояние) лица, а совершенное им в состоянии невменяемости деяние является показателем общественной опасности этого лица, которое само по себе не имеет значения для применения этих мер [4. С. 13].

Если же рассматривать применение принудительных мер медицинского характера с точки зрения науки уголовного права, то и с этой стороны невозможно применить данные меры к невменяемому лицу за совершение общественно опасного деяния.

Для того чтобы общественно опасное деяние имело уголовно-правовой характер или уголовно-правовое значение, это деяние должно быть противоправным, осознанным, волевым, сложным и конкретным по своему содержанию, направленному на нарушение общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Это непосредственно вытекает из законодательного толкования ст. 8 и ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, предусмотренное уголовным законодательством общественно опасное деяние – это не просто определенное действие (бездействие), а именно действие осознанное и волевое, нарушившее или создавшее реальную угрозу нарушения общественных отношений, взятых под охрану Уголовным кодексом РФ.

Осознание лицом своего общественно опасного деяния означает, что лицо понимает его социальный смысл, понимает опасность своего деяния для общества. Волевой же элемент общественно опасного деяния означает то, что лицо полностью способно контролировать свое поведение и имеет реальную возможность как совершить деяние, так и воздержаться от его совершения.

В деянии же, совершенном лицом в состоянии невменяемости, осознан-

ное и (или) волевое действие (бездействие) отсутствует, поскольку это лицо не осознает фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо не может руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики (ч. 1 ст. 21 УК РФ).

Таким образом, совершенное лицом в состоянии невменяемости деяние, предусмотренное уголовным законом, хотя в ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса РФ и называется «общественно опасным деянием», однако употребляется в нем не в его значении как признак преступления, а в узком смысле, т.е. как признак объективной стороны состава преступления. При этом этот обязательный признак состава преступления является неполным, поскольку в общественно опасном деянии, совершенном лицом в состоянии невменяемости, отсутствуют такие обязательные его элементы, как осознанность и (или) его совершение по воле самого лица.

Общественно опасное деяние, совершенное лицом в состоянии невменяемости, является только объективно противозаконным и поэтому не имеет и не может иметь уголовно-правового характера или уголовно-правового значения.

Следовательно, мы считаем вполне обоснованным мнение В.А. Уткина, который считает, что принудительные меры медицинского характера, регламентированные Уголовным кодексом РФ, являются по своей правовой природе не «иными мерами уголовно-правового характера», которые применяются за совершение преступлений, а «иными мерами, предусмотренными уголовным законом» [7. С. 12–13].

В целях устранения юридической коллизии между правовыми нормами Уголовного кодекса РФ необходимо исключить принудительные меры медицинского характера, применяемые к невменяемым лицам, из числа «иных мер уголовно-правового характера», устанавливаемых за совершение преступлений.

Литература

1. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности (с изм., внесен. постановл. Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 и от 29 ноября 2016 г. № 56) [Электронный ресурс]: Веб-сайт СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. М., 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/. Режим доступа: свободный (дата обращения: 01.05.2017).
3. Батанов А.Н. Принудительные меры медицинского характера (история, теория, законодательное регулирование и практика применения): дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 179 с.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана» // Российская газета. 2013. 29 мая. С. 13–14.
5. Ошибки в Уголовном кодексе / А.И. Бойко, Ю.В. Голик, С.А. Елисеев и др. // Российская газета. 2010. 10 июня. С. 9.

6. Скрипченко Н.Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.

7. Уткин В.А. Проблемы Концепции развития уголовно-исполнительной системы в контексте уголовной политики // Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Рязань, 2013. С. 8–13.

Loschinkin Victor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

THE ISSUE OF THE RELEASE OF INSANE PERSONS FROM CRIMINAL LIABILITY AND THE APPLICATION TO THEM OF FORCED MEASURES OF MEDICAL CHARACTER

Keywords: the person who committed a socially dangerous act in condition of insanity, exemption from criminal responsibility, Criminal procedure code 2001, the penal code of the Russian Federation 1996, compulsory measures of a medical nature.

In the article the author analyzes the validity of the exemption from criminal liability persons who committed socially dangerous act envisaged in the Special part of the Criminal code of the Russian Federation in a state of insanity on the grounds, provided by part 1 of article 443 of the Criminal procedure code of the Russian Federation. In addition, the author criticizes the assignment by the Russian legislator of compulsory measures of medical character applied to insane persons to other measures of criminal-legal nature, established for Commission of the crimes.

A socially dangerous act committed by a person in a state of insanity characterized by lack of guilt of that person in the Commission of the offense stipulated by part 1 of article 21 of the Criminal code of the Russian Federation. In addition, not a mentally ill person who committed a socially dangerous act in condition of insanity and the subject of the crime and, therefore, it is not subject to criminal liability, which is regulated by article 19 of the Criminal code of the Russian Federation.

Therefore, the insane person may be released from criminal liability. And if the person after the Commission of an offence under the criminal law, will be a danger to his mental state, the person may be subjected to coercive measures of a medical character stipulated by article 99 of the Criminal code of the Russian Federation that follows from the legislative interpretation of part 2 of article 21 of the Criminal code of the Russian Federation.

However, part 1 of article 443 of the Criminal procedure code of the Russian Federation regulate a statutory requirement for exemption from criminal liability persons who committed socially dangerous act in condition of insanity and the application of compulsory measures of a medical nature.

The author believes that the legal norm stipulated by part 1 of article 443 of the code of criminal procedure, does not meet the criminal law and therefore it should not be applied in practice.

In addition, the author does not agree with the position of the Russian legislator, which leaves the application of coercive measures of a medical nature to the "other measures of criminally-legal character" that in accordance with part 2 of article 2 of the Criminal code of the Russian Federation, are established for committing crimes.

According to the author of the article, compulsory measures of a medical nature applied to insane persons, cannot be considered as "other measures of criminal-legal nature, established for Commission of the crime", because it is contrary to fundamental principles of criminal law, namely, article 5 and part 1 of article 14 of the criminal code of the Russian Federation in their interrelation with article 21 of the criminal code and articles 24 to 26 of the Criminal code of the Russian Federation.

Therefore, to resolve legal conflicts between the right norms of the Criminal code of the Russian Federation should revise the Federal law, namely, to exclude coercive measures of a medical nature applied to insane persons, among other measures of criminally-legal character established for the Commission of crimes.

References

1. Filimonov, V.D. & Filimonov, O.V. (2007) *Pravootnosheniya. Ugolovnye pravootnosheniya. Ugolovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya* [Legal relations. Criminal legal relations. Penal legal relations]. Moscow: YurInfoR-Press.

2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability (with amendment introduced by Plenum Decree No. 48 of November 15, 2016 and No. 56 of November 29, 2016)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/. (Accessed: 1st May 2017). (In Russian).

3. Batanov, A.N. (2004) *Prinuditel'nye меры медицинского характера (история, теория, законодательное регулирование и практика применения)* [Forced measures of medical nature (history, theory, legislative regulation and practice of application)]. Law Cand. Diss. Ulyanovsk.

4. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) Decision No. 10-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 21, 2013 On the case on the verification of the constitutionality of Parts 2 and 4 of Article 443 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Pervov and the request of the Magistrate of Judiciary No. 43 of the city of Kurgan. *Rossiyskaya gazeta*. 29th May. pp. 13–14. (In Russian).

5. Boyko, A.I., Golik, Yu.V., Eliseev, S.A. et al. (2010) Oshibki v Ugolovnom kodekse [Errors in the Criminal Code]. *Rossiyskaya gazeta*. 10th June. pp. 9.

6. Skripchenko, N.Yu. (2013) *Teoriya i praktika primeneniya inyykh мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним* [Theory and practice of applying other measures of a criminal-legal nature to minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

7. Utkin, V.A. (2013) Problemy Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v kontekste ugolovnoy politiki [Problems of the Concept of the development of the penal system in the context of criminal policy]. In: Gavrina, E.E. et al. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema v usloviyakh modernizatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Penal system in the context of modernisation: the current state and prospects for development]. Vol. 1. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 8–13.